

Въ долинь Дуная въ 1877 году ¹⁾.

V.

Вдва-ли можно признать цѣлесообразною нагрузку главной квартиры предметами вѣдѣнія, не прямо относящимися до чисто боевыхъ операций войскъ. Главнокомандующій долженъ быть избавленъ отъ такихъ обязанностей, совокупность которыхъ составляетъ заботу тыла арміи. Организация послѣдняго должна быть соображена заблаговременно и немедленно осуществляться, какъ только армія вступаетъ на театръ военныхъ дѣйствій. Дѣятельность полевого штаба арміи не должна ни отвлекаться, ни затѣняться, ничѣмъ постороннимъ боевому его назначенію.

Во имя прекраснаго во многихъ случаяхъ единовластія нельзя обременять сверхъ силъ хотя-бы и высокаго по своимъ дарованіямъ лица. вмѣсто желаемой пользы получится неисправимый вредъ, ничѣмъ не оправдываемый. По кореннымъ вопросамъ въ свое время должны быть преподаны руководящія начала, только видоизмѣняемая по мѣрѣ развитія военныхъ операций и измѣненія ихъ характера. Работа главной квартиры, сосредоточенной главнымъ образомъ въ полевомъ штабѣ арміи, и труды тыловыхъ учреждений, хотя и имѣютъ много общаго, но въ то же время и различаются самымъ существеннымъ образомъ.

Армія, живой организмъ, требующій для сохраненія своей силы полного удовлетворенія всѣхъ видовъ своего довольствія. Въ то

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

время какъ главная квартира призывается къ наиболѣе производительному ихъ расходованію для достиженія государственныхъ цѣлей войны, всѣ заботы тыла сосредоточиваются не только къ ихъ сохраненію, но и развитію, улучшенію, увеличенію. Опытъ войны указываетъ, что наиболѣе труднымъ является благопріятное разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи потребностей арміи продовольствіемъ и фуражемъ. Въ какомъ же состояніи было положеніе войскъ въ этомъ отношеніи? Въ отправленіи выполненія своихъ прямыхъ обязанностей интендантство было отъ дѣла отстранено и замѣнено еврейскимъ товариществомъ; т. е. то, что было въ мирное время организовано, на военное время сразу отбрасывалось, какъ негодная ветошь, и замѣнялось сомнительною комбинаціею. Въ основаніе такого импровизованнаго рѣшенія было положено убѣжденіе въ томъ, что интендантство неминуемо окажется несостоятельнымъ, а все дѣло сдѣлаютъ три товарища.

„Пусть товарищи истратятъ нѣсколько лишнихъ милліоновъ, да войска будутъ въ исправности и сыты, чѣмъ оставаться съ интендантствомъ, т. е. съ голодными войсками и безъ тѣхъ же милліоновъ“, какъ говорили инициаторы неожиданнаго никѣмъ новаго мѣропріятія.

Безъ колебанія можно утверждать, что такая фантазія никогда не была бы осуществлена, если бы не исходила изъ сферъ высшаго командованія и не была бы подкрѣплена авторитетомъ главнокомандующаго. Если бы даже эта сдѣлка не оказалась на дѣлѣ такою невыгодною, сколько драгоцѣннаго времени ея обдумываніе отняло отъ тѣхъ, которые въ этомъ періодѣ войны должны были быть заняты заботою о болѣе важныхъ предметахъ. Мы уже видѣли, какъ въ Румыніи войска чуть не остались безъ фуража только потому, что товарищи проглядѣли его запасы въ Малой Валахіи. Упомянутый выше случай заготовки продовольствія и фуража для колонны генерала барона Дризена въ томъ мѣстѣ, гдѣ его войска и найти не могли, и много подобныхъ съ непосредственнымъ участіемъ въ нихъ начальства полевого штаба до очевидности доказывали непригодность новаго способа, но измѣнять было поздно, такъ какъ условіе съ товариществомъ уже было заключено и обезпечено большою неустойкою.

По мѣрѣ того, какъ войска проникали вѣеромъ въ глубь страны, положеніе товарищей становилось все болѣе и болѣе безвыходнымъ. Заблаговременно приготовить запасы они, очевидно, не могли ни на Дунаѣ, ни въ Румыніи, уже успѣвшей свой хлѣбъ спустить по теченію рѣки за границу, устроить правильный подвозъ изъ Россіи представляло неимовѣрныя затрудненія, въ особенности для част-

ныхъ лицъ, хотя-бы и официальныхъ поставщиковъ. Волею—неволею пришлось прибѣгнуть къ мѣстнымъ средствамъ страны, что для нихъ уже не могло быть прикрытымъ законною формою реквизиціи. Товарищи принялись косить встрѣчавшіеся на занятомъ пространствѣ страны посѣвы, но были приостановлены, уже начинавшими проявлять свою дѣятельность, новыми органами гражданскаго управленія. Казалось, неудачно вводимый новый способъ довольствія арміи долженъ былъ самъ собою ликвидироваться. Остается только удивляться, какимъ способомъ плачевное товарищество очутилось кредиторомъ казны на многія сотни милліоновъ.

Обстановка благопріятствовала товарищамъ собирать жатву, гдѣ не сѣяли. Лучшія поля принадлежали турецкой части населенія магометанскаго закона, въ страхъ возмездія бѣжавшаго изъ своихъ селеній. А товарищи ставили себѣ въ особую заслугу, представляя войскамъ фуражъ, такимъ легкимъ способомъ добытый. Не слѣдуетъ скрывать, что легкою добычею пользовалась значительная часть сосѣдняго болгарскаго населенія, и что на такой незаконный способъ хищенія находилось начальство, смотрѣвшее сквозь пальцы. При этомъ не только уносилось все съѣдобное и полезное, но уничтожалась мебель и разбивались бочки съ виномъ.

Услѣдить за каждымъ шагомъ лихихъ товарищей было не подъ силу гражданскимъ властямъ, вновь назначеннымъ и потому мало знакомымъ съ мѣстными условіями. Хотя главнымъ объектомъ войны служила защита христіанскаго славянства отъ неистовства ислама, а непосредственная цѣль заключалась въ организаціи болгарства на новыхъ государственныхъ началахъ, къ этому высокому дѣлу къ началу войны мы были совершенно не подготовлены. Много пришлось потрудиться князю Черкасскому, съ необыкновенною энергіею успѣвшему организовать дѣло, разработать положенія и создать личный составъ при чрезвычайно трудной обстановкѣ. За то сколько пришлось претерпѣть ему затрудненій, противодѣйствій, недоброжелательства. Князь прежде всего служилъ дѣлу, и это ему не прощалось. Его осуждали за все: за обремененіе работою, за продолжительные доклады у главнокомандующаго, за суровое обращеніе съ болгарами. Да, правда, опъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ большой работы, но и себя не щадилъ, собственною жизнью запечатлѣвъ свое высокое служеніе долгу. Что же касается до строго-дѣловаго обращенія съ болгарскими представителями, то въ этомъ отношеніи его слѣдовало ставить всѣмъ въ примѣръ, а не осуждать. Его поведеніе было въ тысячу разъ цѣлесообразнѣе и благороднѣе слащаво-приторнаго обращенія, вскорѣ перешедшаго въ презрительно-покровительственное.

Здѣсь кстати отмѣтить, что проникательность князя Черкаскаго скоро стала распознавать характерныя черты болгарской среды, въ которой болѣе страдательную роль играло сплошное сельское населеніе, эксплуататорами были наиболѣе богатые „чорбаджи“, нерѣдко угнетатели своихъ братьевъ и только небольшая группа получившихъ образованіе были истинными народолюбцами. Вотъ между этими послѣдними князь искалъ себѣ помощниковъ въ дѣлѣ управленія страной, чорбаджіевъ держалъ въ рукахъ, а сельскому населенію старался по возможности облегчить тяжелое экономическое положеніе. Положеніе было чрезвычайно трудное, такъ какъ организація требовала большихъ средствъ, а ихъ въ наличности совсѣмъ не было. Страна при туркахъ платила десятиной, въ дѣйствительности обращавшейся въ $\frac{1}{6}$, даже въ $\frac{1}{3}$; способъ взиманія былъ откупной, а административная касса ушла изъ страны вмѣстѣ съ османскою администраціею. На мѣстѣ осталось христіанское населеніе, въ большинствѣ случаевъ ограбленное и своими правителями, и турецкими войсками.

Мое ложное положеніе въ главной квартирѣ не укрылось отъ вниманія такого умнаго человѣка, какимъ былъ князь Черкасскій. Не говоря мнѣ ни слова, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и испросилъ у главнокомандующаго мое назначеніе филиппопольскимъ губернаторомъ. При первой со мною встрѣчѣ съ лестною улыбкою онъ объявляетъ мнѣ о состоявшемся назначеніи, хорошо понимая, что я не далъ бы своего согласія, если бы предварительно меня спросили о моемъ желаніи.

Я былъ совершенно озадаченъ. Какъ, что, почему? меня на гражданскую должность, когда я исключительно былъ подготовленъ къ военнымъ операціямъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ смятеніи направляюсь къ ставкѣ главнокомандующаго.

„Ваше Высочество! За что такая немилость, почему я признаюсь такимъ бесполезнымъ въ главной квартирѣ, когда послѣдніе года я посвятилъ себя изученію болгарскаго театра военныхъ дѣйствій. За что такой суровый приговоръ?“

„Что съ тобою, что ты такъ взволнованъ? въ свою очередь спрашиваетъ меня Великій Князь.

„А мое назначеніе гражданскимъ губернаторомъ развѣ не осужденіе меня въ военномъ отношеніи!“

„Совсѣмъ нѣтъ. Ты не такъ понимаешь это обстоятельство. Вотъ какъ это произошло. На-дняхъ у меня было обсужденіе о ближайшихъ распоряженіяхъ. Остановились на необходимости сформированія самостоятельнаго отряда достаточной силы, чтобы могъ охранять движеніе арміи къ Адрианополю съ праваго фланга. Такъ

какъ этотъ отрядъ подъ твоимъ начальствомъ приурочивался къ расположенію примѣрно въ окрестностяхъ Филиппополя, то князь Черкасскій и просилъ къ обязанностямъ и власти военной возложить на тебя и временныя обязанности губернатора. Находя, что для дѣла это можетъ принести одну пользу, я согласился на назначеніе тебя филиппопольскимъ военнымъ губернаторомъ“.

„Ваше Высочество! простите, я усумнился, думалъ, что это почетное удаленіе отъ военнаго дѣла“.

„Совсѣмъ нѣтъ, голубчикъ! Ты видишь теперь, что совсѣмъ обратно; и я увѣренъ, что ты съ успѣхомъ исполнишь возлагаемыя на тебя обязанности. Я очень на тебя рассчитываю“.

Отъ сердца отлегло, и я отъ души благодарилъ князя Черкаскаго за хорошее обо мнѣ мнѣніе. Князь больше улыбался и говорилъ о постороннихъ предметахъ.

Незавидное было мое положеніе во время тырновскаго сидѣнія, быть въ водоворотѣ событій и не принимать въ нихъ никакого участія. Общее настроеніе было угнетенное. Всѣ прислушивались къ тому, что дѣлалось подъ Плевной, а вѣсти оттуда приходили все хуже и хуже. Только невозмутимый начальникъ штаба выдерживалъ характеръ; на остальныхъ каждая вѣсть производила сильное впечатлѣніе. Трудно было даже предположить, до какой степени падали духомъ отъ малѣйшихъ неудачъ, ликовали отъ признака возможной побѣды.

Помню рассказъ одного изъ ординарцевъ.

Молодой гвардейскій штабъ-офицеръ, незадолго до обѣденнаго времени прибывшій отъ Плевны, былъ сильно взволнованъ. Онъ говорилъ безъ умолку, часто повторяя одно и то же по нѣсколько разъ, сильно жестикулировалъ и рѣзко переходилъ отъ прерывистаго выкрикиванья до сдавленнаго полушопота.

„Я самъ былъ свидѣтелемъ, какую массу пуль и снарядовъ посылаютъ турки въ расположеніе нашихъ войскъ. Если не прикрываться брустверами и не передвигаться съ мѣста на мѣсто, скоро у насъ не останется ни одного человѣка...“

„Ну, ужъ будто турки такъ страшны“, осмѣлился прервать его рѣчь одинъ изъ кружка тѣхъ, которые относились къ преувеличенію очевидцевъ съ нескрываемою подозрительностью.

„Смѣю васъ увѣрить, какъ очевидецъ, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія, что впечатлѣніе, полученное на мѣстѣ, сильно смягчилось дорогой, что опасность велика, и гроза растеть съ каждымъ часомъ“.

„Что же по-вашему слѣдуетъ дѣлать?“ не унимался все тотъ же безпокойный слушатель.

„Что дѣлать, что слѣдуетъ дѣлать! Какъ что слѣдуетъ дѣлать? Конечно, нужно принимать самыя рѣшительныя мѣры, такъ какъ опасность страшно велика. Чтобы парировать ударъ, который турки могутъ нанести всѣмъ частямъ арміи, нужно прикрыться отъ Османа-паши непрерывнымъ рядомъ редутовъ отъ самыхъ Балканъ и до Дуная“.

Могъ ли я тогда предполагать, смущенный рѣзкимъ заявленіемъ человѣка въ паникѣ, что въ ту же войну мнѣ придется прочесть въ распоряженіи одного изъ талантливѣйшихъ офицеровъ выраженіе: „ужь если учиться у турокъ, то учиться до конца, редуты, редуты, редуты“.

Глубоко убѣжденъ, что ничего подобнаго, что было сказано въ первомъ случаѣ, и написано во второмъ, не случилось бы, если бы объединяющій духъ арміи престижъ полководца успѣлъ проявиться въ болѣе положительной формѣ. Изученіе военныхъ наукъ даетъ знаніе, развиваетъ способности, но, сообщая богатый разработанный матеріалъ изъ исторіи войнъ, не въ силахъ наставить готовыми рѣшеніями для всякаго случая, не можетъ замѣнить собою таланта полководца. Дарованія послѣдняго составляютъ высшую степень искусства, все объединяя и направляя къ конечной цѣли побѣды. Оцѣнки мирнаго и боевого времени, обыкновенно, расходятся. Схоластически вырабатываются масштабы, отъ которыхъ такъ трудно отдѣлаться въ періодъ войны.

Пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ и такой въ высшей степени печальной сцены. Спускаюсь разъ изъ своихъ садовъ къ столовому шатру главной квартиры и по дорогѣ встрѣчаю начальника штаба.

„Пойдемте къ К. В., бѣдняга заболѣлъ и, кажется, очень разстроенъ, нужно навѣстить“.

Когда привычною рукою начальникъ штаба отворилъ дверь въ низкое, небольшое помѣщеніе спальни К. В., на насъ пахнулъ тяжелый больничный запахъ долго непровѣтренной комнаты. На желѣзной походной кровати лежалъ К. В. и стоналъ.

„Здравствуйте, К. В., что съ вами?“

„Я совсѣмъ боленъ, страшно болитъ голова, очень слабъ и рѣзь въ животѣ“, слышался отвѣтъ дрожащимъ голосомъ, разстроеннымъ, но не слабымъ.

„Мнѣ докторъ передавалъ, что у васъ маленькое расстройство и ничего опаснаго. Соберитесь съ силами, одѣньтесь и приходите обѣдать, хотя бы только для вида. Ваше отсутствіе будетъ замѣчено и перетолковано“.

„Я право не могу, у меня не хватитъ силъ, сдѣлается дурно“.

„Ну, полноте, К. В., не расклеивайтесь, мужайтесь, ничего дурного не случится“.

„Одѣвать барина“, обращается начальник штаба къ денщику, и мы отправились въ столовую.

Много чрезъ четверть часа К. В. уже былъ въ шатръ, подтянутый, и приглаженный. Глядя на такъ бодро выглядывавшаго генерала и слушая его бойкую, авторитетную рѣчь, никому не могло бы придти въ голову представленіе о томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ четверть часа тому назадъ.

VI.

Несмотря на обстановку войны, я проводилъ лѣто 1877 года подъ Тырновымъ въ отличныхъ условіяхъ. Съ нѣсколькими товарищами мы забрались высоко надъ долиной, въ оцѣпленія, и расположились въ чудныхъ садахъ болгарскихъ чорбаджіевъ г. Тырнова. Излюбленное мною мѣсто было на площадкѣ развѣтвленія гигантскаго платана, нависшаго надъ долиной. Дни стояли чудные. Днемъ было жарко, но утра и вечера были восхитительны.

Внизу мы навѣдывались о новостяхъ и рѣдко появлялись въ велико-княжескомъ шатрѣ за обѣденнымъ столомъ, которому предпочитали щи собственнаго приготовленія. Во время утренней прогулки верхомъ спускались къ городу на базаръ, гдѣ покупали мясо, барашковъ, птицу, овощи и пр.; а на верху заправляли принадлежности щей въ казенномъ котелкѣ, все солили, заливали водой и ставили на медленный огонь. Чудо вкусными выходили щи. Досыта наѣдались ими и отъ другой пищи отказывались. И теперь пріятно вспомнить, какъ все это было вкусно.

Событія развертывались предъ нами картинами, нужно признаться, весьма случайными. Въ мирное время мы ихъ представляли себѣ совсѣмъ иными. Проникнутые высокимъ уваженіемъ къ тому, что намъ называли военною наукою, мы готовились не только къ усиленной дѣятельности, но и къ высшей степени разумной, мозговой, при которой панорама войны должна была развертываться въ направленіи, нами ей данномъ. Великую боевую симфонію мы собирались разыграть, какъ по нотамъ. И вдругъ совершенно другое, какія-то неожиданно появившіяся событія, опрокинувшія нашу стратегію вверхъ дномъ, просто кошмаръ какой-то...

То чувство, которое зародилось во мнѣ еще въ вагонѣ желѣзной дороги, не разсѣялось, а наоборотъ все сильнѣе крѣпло. Пріискивая ему подходящее названіе, не могу иначе о немъ выразиться,

какъ о чувствѣ сиротливости. То, что должно было спаять духъ арміи, воодушевить всѣхъ на боевые подвиги, какъ-то растаяло въ воздухѣ, не успѣвъ окрѣпнуть. Оставалось много хорошаго, по временамъ несомнѣнно геройское, но все не то, что, какъ мнѣ представлялось, было въ рядахъ суворовскихъ чудо-богатырей или сподвижниковъ Румянцева. Много было знакомаго, но не изъ міра боевыхъ грезъ, а изъ схоластической красносельской сутолоки. Тамъ, въ штабномъ верху, послѣ усиленныхъ трудовъ сколачиванія еврейскаго товарищества, перенесли свою трудовую энергію на командованіе баталіонами, эскадронами и батареями, и скоро до того перепутали между собою войсковыя части, что разобраться въ нихъ уже не представлялось возможности въ короткій срокъ. Замѣчательно, что при этомъ все сильнѣе и сильнѣе стала проникать въ сознаніе недостаточность войсковой силы. Явленіе, для опытныхъ людей служащее показателемъ пошатнувшейся нравственной устойчивости.

Большая премудрость заключается въ истинномъ полководцѣ. А ее такъ мало цѣнятъ, и съ такимъ усердіемъ стараются гасить проблески боевого таланта. Между тѣмъ полководца не можетъ создать никакая академія въ мірѣ. Таланты рождаются, быть можетъ, вѣками. Они способны къ большому совершенствованію, но искусственно создать ихъ невозможно.

Мнѣ уже пришлось говорить ранѣе о томъ, что если и существовала руководящая мысль общаго стратегическаго наступленія, то во-первыхъ она была не достаточно для всѣхъ очевидною, и во вторыхъ ею былъ проникнуть, главнымъ образомъ, и больше всѣхъ самъ главнокомандующій. Большинство изъ окружавшихъ его лицъ не отдавало себѣ разумнаго отчета въ положеніи вещей, находило смѣлое наступленіе крайне рискованнымъ, и потому пользовалось всякою на каждомъ шагу случайностью, чтобы задержать движеніе впередъ. Создавались два теченія, изъ которыхъ, къ величайшему сожалѣнію, въ концѣ концовъ одержало верхъ болѣе инертное, пассивное, безвольное. Нельзя утверждать, что положеніе было заурядно. Было много, надъ чѣмъ нужно было очень и очень подумать и усердно поработать. Но оно не было и слишкомъ сложнымъ. Не находилось только мастеровъ по этому дѣлу.

Великій Князь, главнокомандующій, долго выдерживалъ характеръ, не желая отказываться отъ разъ принятаго плана войны. Его Высочество очень надѣялся, что затянутый узелъ подъ Плевной будетъ развязанъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Когда же дѣла тамъ, видимо, все болѣе и болѣе запутывались и грозили серьезными осложненіями, онъ счелъ необходимымъ личнымъ присут-

ствіемъ исправить сдѣланные пропахи. Отъѣзжая изъ Тырнова налегкѣ, Великій Князь рассчитывалъ на кратковременное отсутствіе и на продолженіе кампаніи въ томъ же направленіи, въ которомъ развивались военныя операціи ранѣе.

Съ отъѣздомъ главнокомандующаго съ лицами ближайшей свиты, квартирное расположеніе подъ Тырновымъ сильно порѣдѣло. Въ нашихъ нагорныхъ садахъ стало жутко. Мысль о возможности неожиданнаго появленія баши-бузуковъ и въ особенности черкесовъ приходила въ голову чаще. Но здоровыя ли условія обстановки или вообще сила молодости, но спалось такъ же крѣпко, какъ и раньше, и съ прежнею же беззаботностью занимались кулинарнымъ искусствомъ.

Хотя и прежде появленіе въ расположеніи главной квартиры новаго лица, ординарца, воинской части, привлекало вообще вниманіе; но теперь къ малѣйшему событію, сколько-нибудь выходившему изъ ряда обыденныхъ, стали относиться съ большою нервною. Источникомъ нашего знанія о военныхъ операціяхъ и концомъ къ разгадкѣ ихъ служилъ нашъ командиръ 8 корпуса, генералъ *Ө. Ө. Радецкій*, личность въ высшей степени замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ. Несомнѣнныя большія военныя дарованія отъ рожденія; онъ приобрѣлъ на Кавказѣ большой боевой опытъ, прошелъ тамъ хорошую школу, и представлялся намъ тѣмъ образцомъ военначальника, котораго слѣдовало изучать, на котораго нужно было стремиться походить, и приемы котораго слѣдовало усваивать. Всегда сдержанный, обходительный и внимательный, совершенно простой въ обращеніи, но постоянно серьезный, генералъ Радецкій, по равновѣсію ума и характера, знанія и боевого опыта, по способности быстро схватывать суть дѣла изъ докладовъ и фактовъ, по точности отдаваемыхъ распоряженій и стремительности приведенія въ исполненіе разъ принятаго рѣшенія, былъ дѣйствительно личностью выдающеюся.

Помню, какъ разъ, во время прогулки верхомъ, мы встрѣтили генерала Драгомирова, тоже верхомъ и со свитой. Обыкновенно словоохотливый и остроумный, теперь онъ былъ серьезенъ и молчаливъ. На наши распросы не отвѣчалъ и только заявилъ, что направляется къ корпусному командиру. Заинтересованные, что это могло значить, мы пустились вслѣдъ за нимъ тоже къ домику, занимаемому генераломъ Радецкимъ. Остановились внизу, сдѣлали коней казакамъ и полѣзли за генераломъ Драгомировымъ по наружной деревянной лѣстницѣ наверхъ, обычное пребываніе гостепріимнаго хозяина.

Когда мы взошли и поздоровались, генералъ Радецкій стоялъ посреди комнаты и внимательно слушалъ обстоятельный докладъ генерала Драгомирова. Краснорѣчивый профессоръ былъ въ ударѣ. Изложивъ положеніе дѣлъ въ прибалканскомъ районѣ къ востоку до Османбазара, онъ особенно долго остановился на совокупности разнаго рода примѣтъ и приходилъ къ заключенію о серьезной и неминуемой опасности, намъ грозившей отъ турокъ съ этой стороны. Содержанію доклада чрезвычайно гармонировали выраженія и самый тонъ лектора. Интересъ минуты росъ, и мы съ величайшимъ напряженіемъ ожидали, что скажетъ на все это Федоръ Федоровичъ.

Михаилъ Ивановичъ замолчалъ. Послѣ краткой паузы Радецкій коротко командуетъ: „столь“ и нѣсколько спустя „карты“.

Кажется, и Драгомировъ, какъ мы, подумалъ, что столь потребованъ, чтобы разложить карты, а затѣмъ начнется разборъ положенія. Но мы всѣ ошиблись. Карты появились, но не мѣстности, а игральные.

— Что же, Михаилъ Ивановичъ, обращается Радецкій къ Драгомирову, пока что, а мы еще успѣемъ сыграть.— Какъ-то сразу всѣмъ стало легко, свободнѣе дышать, приподнятое настроеніе благополучно разрѣшилось, при томъ такъ просто и быстро. Драгомировъ даже повеселѣлъ.

Радецкому принадлежитъ слава плѣненія 40 тысячной турецкой арміи Вессель-паши. Эта блистательная побѣда напоминаетъ наши подвиги прежнихъ временъ и выдвигаетъ побѣдителя сразу въ первый рядъ полководцевъ. Слача Османа-паши подѣ Плевной устранила задержку наступленія, Шейновская побѣда открыла доступъ къ Царьграду. Но какими громадными жертвами окупился первый успѣхъ и какъ неожиданъ, ярокъ и дешевъ былъ второй!

Переваломъ главными силами черезъ Балканы въ зимнее время и побѣдоноснымъ наступленіемъ къ Константинополю мы, преимущественно, обязаны прозорливости, настойчивости и энергіи самого главнокомандующаго. Къ величайшему сожалѣнію, дѣло не было доведено до конца и не увѣнчалось ударомъ по Стамбулу; но винить въ этомъ слѣдуетъ не столько вождя, сколько окружавшую его среду, и на этотъ разъ выказавшую чрезмѣрную боязливость и нерѣшительность. При этомъ общее политическое положеніе сыграло печальную роль, но смущаться этимъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Никакія застрашиванія, какъ угроза англійскимъ флотомъ и пр., не должны были вліять на рѣшенія военнаго начальника. Авторитетъ государственной политики громаденъ, но онъ не можетъ вмѣшиваться въ военныя операціи, разъ имъ данъ полный

ходъ. Строго осуждать нельзя никого, такъ какъ для всѣхъ существуетъ предѣлъ нервнаго напряженія.

Видя меня не у дѣлъ, князь Черкасскій предложилъ мнѣ побывать въ Сястово, гдѣ по дошедшимъ до него слухамъ томились въ неволѣ передовые народники изъ филиппопольскихъ уроженцевъ. Необходимо было выяснитъ истинную или мнимую вину заключенныхъ. Дѣйствительно ли это люди, которымъ нельзя дать свободу во имя общественной безопасности; или это лучшіе болгары, которые были неудобны только для турецкаго режима и оставались въ заточеніи лишь по недоразумѣнію.

— Вамъ, какъ будущему военному губернатору, иронизировалъ князь, будетъ интересно познакомиться съ болгарскою жизнью, какова она въ дѣйствительности. При томъ Вамъ очень будетъ кстати зарекомендовать себя предъ населеніемъ освободителемъ ихъ согражданъ.—Какъ бы то ни было, но отъ командировки я не отказался и на другой же день поднялся и двинулся въ путь со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Въ Сястовѣ я познакомился съ Драганъ Цанковымъ и Геровымъ, оказавшими мнѣ полное содѣйствіе въ ознакомленіи съ общимъ административнымъ управленіемъ; но пріютилъ меня у себя Маринъ Драновъ, профессоръ Харьковскаго университета, съ которымъ я раньше имѣлъ случай познакомиться и полюбить за прямоту его характера и вообще высокія душевныя качества. Подъ затворомъ, дѣйствительно, оказались лица по недоразумѣнію, почему я ихъ тотчасъ освободилъ съ обязательствомъ немедленнаго водворенія на родину. День былъ знойный. При ходьбѣ внизъ и вверхъ по улицамъ и учрежденіямъ, мнѣ страшно было жарко. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ всего видѣннаго и слышаннаго, я съ наслажденіемъ вскочилъ подъ душъ, мнѣ любезно предложенный Цѣнинимъ. Но послѣ обѣда, когда я вернулся къ Дринову, голова пошла кругомъ и я, какъ подкошенный снапъ, свалился на постель.

VII.

Развертывавшаяся картина войны представляла во всѣхъ отношеніяхъ высокій интересъ. Классическій театръ военныхъ дѣйствій, нами изученный на дѣлѣ, давалъ полную возможность дѣйствовать съ большимъ расчетомъ, такъ сказать, учитывая всякую случайность. Если, при всѣхъ этихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ, мы колебались между противоположными рѣшеніями, переходя отъ активнаго способа дѣйствія къ пассивному,

допускали себя до крупныхъ промаховъ, терпѣли неудачи и никакъ не могли себѣ отдать отчета въ истинномъ положеніи обстановки, то въ чемъ же главная тому причина?

Какъ всегда бываетъ въ крупныхъ событіяхъ, причинъ много. Большой ихъ части не существовало бы, если бы въ мирное время помнили о войнѣ и разумнѣе къ ней готовились. Сколько на томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій было нашихъ войнъ, сколько развилось въ нашей арміи боевыхъ талантовъ, сколько великихъ мастеровъ военнаго дѣла преподали способы одержанія блистательныхъ побѣдъ. Все напрасно. Опять приходилось начинать съ азовъ, перемѣшивая теорію съ практикою, оплачивая малѣйшій успѣхъ дорогою цѣной обильно проливаемой крови. Въ чемъ же дѣло? Нельзя же не признавать факта желанія обезпечить успѣхъ войны всевозможными способами. Слѣдовательно, высокія намѣренія не были осуществлены только по невѣрности способовъ къ осуществленію.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ, правильно ли былъ составленъ основной планъ кампаніи съ переправой у Систова и направленіемъ черезъ Шипкинскій перевалъ на Адрианополь и далѣе къ Константинополю? Безусловно правильно, такъ какъ послѣ послѣдней войны нашей возникшіе желѣзно-дорожные и шоссированные пути въ сильной степени измѣнили условія операцій, давъ обезпеченное соединеніе съ серединой Дуная и сильно сокративъ разстоянія на болгарской сторонѣ. Благодаря вѣрно намѣченному плану, мы сразу очутились въ серединѣ всего пространства, т. е. заняли въ высшей степени выгодное для себя положеніе. Но, получивъ правильный директивъ, мы не сумѣли его разработать въ подробностяхъ и сбились съ пути, увлекшись прежними примѣрами, подражать которымъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Измѣнились общія условія войны,—должна была измѣниться и оцѣнка всѣхъ обстоятельствъ. Духъ все тотъ же, форма—другая.

Въ мирное время говорятъ, что время деньги, а въ военное, что тайна побѣдъ—въ ногахъ. Не значить ли это, что успѣхъ на войнѣ въ значительной степени зависитъ отъ быстроты и неожиданности для непріятеля наносимыхъ ему ударовъ. Въ началѣ войны этотъ принципъ примѣнялся въ полной мѣрѣ, почему же не продолжали въ томъ же духѣ? Не потому ли, что основной директивъ былъ данъ одними, а исполнители его не уразумѣли и не оцѣнили, почему и не были въ состояніи осуществить?

Рѣшеніе великой задачи оказалось не подъ силу современнымъ дѣятелямъ. Вотъ почему, вмѣсто кипучей дѣятельности, на первыхъ же порахъ оказалось безсиліе, выразившееся въ требованіи все

большаго и большаго числа войскъ. Признакъ, всегда обнаруживающій крайне сомнительное состояніе нравственной устойчивости. Число корпусовъ, назначенныхъ въ составъ дѣйствующей арміи, было вполнѣ достаточно для достиженія цѣли войны; но нельзя было примиряться, чтобы на нихъ же были возлагаемы другія задачи, какъ службы тыла, охраненія болгарскаго населенія и пр. Если составъ арміи признавался недостаточно сильнымъ, то почему было допущено отдѣленіе отъ нея значительной части для переправы на нижнемъ Дунаѣ, произведенной въ пустую.

Мы выступили на защиту славянства и непосредственно въ защиту Сербіи, неосторожно втянувшейся въ войну и погибавшей подъ ударами турокъ. Несмотря на многочисленныя наши консульства, мы палець о палець не ударили, чтобы держать подъ наблюденіемъ ту страну, на которой собирались воевать. Простое соображеніе фактовъ указывало на группировку турецкихъ войскъ на сербской границѣ. Но мы шаблонно желали оттянуть воображаемаго противника отъ избраннаго пункта для переправы и не дали себѣ труда заняться развѣдками даже черезъ посредство лицъ, какъ инженеръ Юліусъ, которыя могли бы намъ принести чрезвычайную пользу. На агентуру отпускались гроши. Вмѣсто того, чтобы затянуть въ Добруджу часть турецкой арміи, мы сами отсѣкли отъ себя значительную часть нашихъ войскъ, которую поздиѣ притянуть обратно уже были не въ состояніи.

Нельзя не волноваться, вспоминая всѣ промахи и недочеты, сопровождавшіе наши операціи на классическомъ театрѣ нашихъ блестящихъ войнъ. Съ тѣхъ поръ прошла цѣлая треть вѣка, что же поучительнаго мы изъ нихъ извлекли? Ничего. Въ японскую войну они были повторены еще въ болѣе грубой и непростительной формѣ. Въ обоихъ случаяхъ мы не подготовлялись къ войнамъ и явились на нихъ дурно вооруженными, соотвѣтственно не снаряженными и съ понятіями, не вмѣвшими ничего общаго съ мѣстными условіями. Вырисовывается необходимость для каждаго пограничнаго театра войны представителя боевого начала, который радѣлъ бы о своемъ дѣлѣ и несъ бы за него отвѣтственность предъ Верховнымъ Вождемъ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ строкъ, вырвавшихся у меня подъ гнетомъ тяжелыхъ воспоминаній, продолжаю. Какъ и слѣдовало ожидать, барометръ нравственной устойчивости командованія продолжалъ опускаться и вскорѣ достигъ до крайнихъ предѣловъ призывомъ себѣ на помощь даже слабыхъ союзниковъ, оказавшихся подъ рукой. Князю Карлу румынскому была послана телеграмма,

а призывъ Сербіи былъ переданъ черезъ полковника Катарджи, представителя князя Милана. Непосредственное распоряженіе сербскими войсками Великій Князь поручалъ мнѣ.

Когда я явился въ Горномъ Студенѣ къ Великому Князю Главнокомандующему, Его Императорскому Высочеству угодно было мнѣ высказать:

„Я рѣшился послать тебя въ Сербію, чтобы ты тамъ хорошенько выяснилъ, хотятъ ли и могутъ ли сербы воевать. Ты знаешь, что князь Миланъ прѣзжалъ въ Плоэшти, чтобы просить разрѣшеніе принять участіе въ войнѣ, только что-то ужъ очень сильно напиралъ на затруднительное экономическое положеніе страны. Тогда мы не отвѣчали ни да, ни нѣтъ, не желая усложнять своего политическаго положенія по отношенію къ Австріи; да и не желали выдачею денежной субсидіи какъ бы вызывать ихъ на такое дѣло, которое должно было бы быть естественнымъ результатомъ ихъ національнаго порыва. Къ тому же вопросъ о сербской коопераціи, какъ тебѣ извѣстно, уже неоднократно обсуждался еще въ Кишиневѣ, когда пришли къ заключенію, на основаніи мнѣній Черняева и Зеленаго, что содѣйствіе сербовъ можетъ быть полезно только при непремѣнномъ условіи совмѣстнаго ихъ дѣйствія съ нашими войсками. Попытка поднять ихъ упавшій духъ посылкою въ Бѣлградъ миссіи генерала Никитина, какъ тебѣ извѣстно, совершенно не удалась. Теперь мы задержались подъ Плевной, вѣроятно, на продолжительное время, и намъ, пожалуй, было бы очень съ руки, если бы сербы успѣли оттянуть на себя часть силъ турецкой арміи. Отсюда ты понимаешь, что чѣмъ скорѣе это было бы выполнено, тѣмъ лучше; но съ другой стороны надо дѣйствовать осмотрительно, чтобы не навязать себѣ на шею такого союзника, котораго бы мы сами были принуждены въ концѣ концовъ спасать отъ гибели. Поѣзжай же съ Богомъ, полагаюсь на тебя, что ты сумѣешь привести дѣло къ лучшему результату“.

Я весь обратился въ слухъ, каждое слово рѣзко запечатлѣвалось въ моей памяти и глубоко западало въ сердце.

„Я просилъ бы Ваше Императорское Высочество не покуситься въ Вашемъ мнѣ полномочіи, чтобы я имѣлъ возможность“...

„Все уже сдѣлано, голубчикъ, и я надѣюсь, что ты останешься имъ вполне доволенъ. Кстати, на военныя нужды имъ выдается подмилліона, а дальше ты тамъ уже самъ сообразишь, вмѣстѣ съ Персіани, и сообщишь, въ какую форму облечь субсидію. О своихъ впечатлѣніяхъ и выводахъ сообщай мнѣ подробнѣе и почаще“.

Я откланялся.

„Скоро ли вы намѣрены вернуться къ намъ обратно?“, обратился

ко мнѣ за обѣдомъ князь Черкасскій. „Не опоздайте на вашу постъ филиппопольскаго военнаго губернатора. Отъ души жолаю вамъ живо окончить ваши дѣла въ Бѣлградѣ и поскорѣе возвратиться“.

„Что за досада“, говорилъ мнѣ въ тотъ же день вечеромъ А. И. Нелидовъ, „что, если простоишь подъ Плевной до глубокой зимы, да тѣмъ и окончится кампанія настоящаго года; какъ тутъ предъявлять требованіе о самостоятельности Болгаріи хотя бы до Балканъ“.

На мою просьбу дать оцѣнку современнаго положенія дѣлъ въ Сербіи и охарактеризовать нашего дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ, Александръ Ивановичъ мнѣ сказалъ:

„А. И. Персіани преданъ службѣ до педантизма, человекъ прекраснѣйшей души и благороднѣйшаго сердца. Съ нимъ вамъ будетъ очень легко. Но въ отношеніи правительственныхъ лицъ Сербіи рекомендую вамъ сдержанность и осторожность. Въ особенности не довѣряйте словамъ князя Милана. Сами по себѣ сербы—хорошій народъ и намъ искренно преданы; но преждевременная представительная форма правленія породила у нихъ самыя невозможныя политическія партіи и развела вредный въ государственномъ смыслѣ пролетаріатъ. Если попробуете согласиться сегодня съ одной фракціей, завтра будете имѣть противъ себя всѣ остальные; чтобы при такихъ условіяхъ можно было тамъ что-нибудь сдѣлать, нужно дѣйствовать самостоятельно, независимо и твердо. Что тамъ работать трудно, доказываютъ примѣры всѣхъ вашихъ предшественниковъ“.

Я былъ очень доволенъ самостоятельною ролью, выпавшею на мою долю, какъ руководителя военныхъ операцій на сербскомъ театрѣ войны. Оставаясь въ арміи, я былъ лишенъ возможности доказать на дѣлѣ вѣрность моего мнѣнія о способахъ дѣйствія противъ турокъ. Теперь я приобрѣталъ возможность повести сербскія войска впередъ съ обходомъ турецкихъ крѣпостей, избѣгая атакъ непріятельскихъ позицій безъ вѣрнаго разчета на успѣхъ.

Дѣло, мнѣ порученное, я хорошо сознавалъ, было не изъ легкихъ, такъ какъ лучше идти въ бой съ людьми, совершенно не бывшими на войнѣ, чѣмъ распоряжаться войсками, испытанными на себѣ тяжесть непріятельскихъ ударовъ. Крайне слабый составъ постоянныхъ войскъ въ Сербіи сообщалъ ея мобилизованной арміи характеръ народнаго ополченія, при отсутствіи учебныхъ сборовъ, почти безъ всякой военной подготовки. Природная воинственность населенія обуславливала надежный контингентъ новобранцевъ; но испытанныя неудачи сильно уронили нравственный духъ. Командо-

вавшей сербскими войсками, одинъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ, М. Г. Черняевъ, и нашъ военный агентъ, генеральнаго штаба полковникъ Зеленой, одинаково высказались, на запросъ главнокомандующаго, о невозможности самостоятельнаго участія княжества въ войнѣ, безъ непосредственной поддержки нашими войсками. Существовало даже предположеніе, позднѣе оставленное, послать одну пѣхотную дивизію съ артиллеріею и кавалерійскою бригадою черезъ Турнъ-Северинъ и Кладово въ Неготинскій округъ для совмѣстныхъ операцій съ сербскими войсками.

Съ нашими войсками можно было дѣйствовать смѣло. Оставя четыре корпуса пока въ Придунайской Болгаріи, съ тремя и сильною кавалеріею можно было перейти Балканы и черезъ Адрианополь идти къ Царьграду. Только не слѣдовало давать волю нервамъ и нужно было ни на минуту не забывать главной цѣли войны. Съ сербскою народною милиціею нужно было быть гораздо осторожнѣе.

Основываясь на опытѣ предшествовавшихъ войнъ нашихъ съ турками, я приобрѣлъ глубокую вѣру въ силу удара за Балканами, непосредственнымъ послѣдствіемъ котораго должно было быть если не полное очищеніе турецкими войсками придунайскаго театра военныхъ дѣйствій, то во всякомъ случаѣ крайнее ослабленіе здѣсь ихъ силы сопротивленія. Теперь мнѣ предстояло разрѣшить этотъ вопросъ на сербскомъ театрѣ войны, въ болѣе трудныхъ условіяхъ распоряженія милиціоннымъ войскомъ, но съ преимуществомъ дѣйствія на второстепенной въ военномъ отношеніи мѣстности. Но какъ было рѣшиться на смѣлое наступленіе, въ расчетѣ на впечатлительность противника, когда впечатлительность своихъ войскъ отъ пустой случайности легко могла обратиться въ общую панику?!

Полученная мною въ главной квартирѣ инструкція гласила:

„Изъ полученныхъ изъ Бѣлграда извѣстій явствуетъ, что сербское правительство далеко не такъ готово къ дѣйствию, а народъ не такъ расположенъ къ войнѣ, какъ о томъ заявлялъ отъ имени князя Милана полковникъ Катарджи. Вступленіе княжескихъ войскъ въ Турцію *черезъ мѣсяць* даже въ количествѣ 40.000, предполагаемомъ сербами, не принесетъ существенной пользы нашимъ операціямъ. Въ настоящее время нападеніе даже половиннаго числа можетъ одно содѣйствовать нашимъ предпріятіямъ и возмѣстить до извѣстной степени приносимыя нами для сербовъ матеріальныя пожертвованія и могущія возникнуть для насъ изъ ихъ содѣйствія политическія усложненія, въ особенности при заключеніи мира. А потому является крайне необходимымъ удостовѣриться на мѣстѣ, сколь можно скоро, въ какой степени и съ какими силами сербы могутъ дѣйствительно начать войну съ Турціею и въ какой именно

срокъ, но безъ всякой съ нашей стороны военной поддержки, какъ въ теченіе военныхъ дѣйствій, такъ и въ случаѣ неудачи. Если сербы къ этому готовы, то отъ нихъ слѣдуетъ настойчиво требовать энергическихъ распоряженій для вступленія въ дѣйствіе безотлагательно. Въ такомъ случаѣ немедленно по открытіи кампаніи имъ будетъ выданъ второй полумилліонъ. Если же окажется, что они къ тому не способны, то считается предпочтительнымъ пригласить ихъ, при позднемъ времени года, не объявлять войны Турціи и отнюдь не прерывать съ нею сношеній, но впредь до указація Императорскаго правительства поддерживать натянутыя отношенія и держать Порту подъ угрозою разрыва, и вмѣстѣ съ тѣмъ для возмѣщенія выданнаго имъ полумилліона рублей выставить на турецкую границу, на пункты, указанные подробностями нашихъ военныхъ дѣйствій, обсерваціонные отряды и тѣмъ оттягивать отъ насъ часть непріятельскихъ силъ. А потому, освѣдомясь предварительно въ Бѣлградѣ у правительственныхъ органовъ объ оффиціальныхъ нуждахъ и состояніи сербской арміи, вамъ необходимо будетъ осмотрѣть ихъ отдѣльныя части и склады на мѣстѣ, донося постепенно въ возможно скорѣйшемъ времени о заключеніяхъ, къ которымъ вы будете приходить, по телеграфу черезъ посредство генеральнаго консульства, имѣя однако постоянно въ виду, что главнымъ условіемъ для насъ является возможность скорого вступленія въ дѣйствіе сербскихъ войскъ или по крайней мѣрѣ ихъ сосредоточеніе на границѣ, но не забывая и того, что при малѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій мы можемъ при извѣстныхъ условіяхъ нуждаться и въ ихъ матеріальной открытой поддержкѣ. Горный Студень 21 августа 1877 г.“.

Какая громадная разница между тѣмъ, что мнѣ лично сказалъ главнокомандующій, и этою многорѣчивою и увертливою инструкціею. Насколько ясно и опредѣленно мнѣ было сдѣлано напутствіе, настолько же инструкція отличалась неопредѣленностью, желаніемъ охватить недосягаемое, заранѣе себя облечь отъ всякихъ случайностей.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

